

24 АПР 1973

ЛИТОВСКО-ЛАТВИЙСКАЯ ПРАВДА
Л. Вильнюс

ВЕЧНО УБЕЖДАЮЩЕЕ И МОЛОДОЕ

ЧЕМ привлекает и восхищает нас искусство народной артистки республики Моники Миронайте? Глубокой мыслью, одухотворенностью, темпераментом, умом и мастерством. Все это сочетается в творческой индивидуальности актрисы. А ее энтузиазм! А тот негаснущий огонек, без которого творчество не становится искусством! О правдивом и всегда молодом искусстве Миронайте свидетельствует вся ее творческая биография. Я хотела бы напомнить лишь о тех ролях, которые мне особенно дороги.

Вот Лиза Калитина из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева, образ, созданный в 1958 году на сцене Вильнюсского русского драматического театра. Лиза — Миронайте не такая высокая и стройная, как Лиза Тургенева, но в ней была внутренняя грациозность, и по сцене она ходила так, словно боялась кого-нибудь задеть. Каждый жест ее дышал покоем и скромностью. И взгляды, и оттенки голоса — все свидетельствовало о чуткой и честной душе. И ни капли кокетства, жеманства. Сдержанность сопутствовала Лизе даже в наиболее драматичных сценах. В исполнении Миронайте все было бесконечно просто, сердечно, непосредственно.

Образ юной прекрасной девушки актриса создала в возрасте почти 45 лет. По словам Бертольда Брехта, для хорошей актрисы не существует возрастного барьера. Не существовало такого барьера и для Миронайте: Лиза Калитина, Гитель Моска, Элиза Дулитл, Нора, Лариса, Луиза Миллер — таков далеко не полный перечень ее восхищавших молодостью, искренностью, правдивостью ролей.

Гитель в пьесе В. Гибсона «Двое на качелях» сыграна несколькими годами позже. Это образ диаметрально противоположный Лизе Калитиной, и создается он иными пластическими средствами. Подвижная, с резкими и быстрыми движениями, воинственно настроенная, борющаяся за свое существование, по-мальчишески резкая и вместе с тем так нуждающаяся в чьей-то опеке... Роль полна противоречий. В Гитель совмещаются и легкомыслие, и серьезность, наивность и мудрость, до слез волнующее бессилие и восхижительное мужество в финале.

Лишь тонкий психолог, подлинный мастер сцены, каким является Миронайте, может так глубоко проникнуть в сложный характер персонажа, показать столь полнокровную молодую женщину, тоскующую по искреннему человеческому чувству и вместе с тем не идущую на компромиссы.

А как не упомянуть Нору — одну из любимых ролей актрисы и публики.

Очаровательная, женственная, покоряющая — такой появлялась она на сцене. Проказничая, как ребенок, хлопала в ладоши, напевая и танцуя, неожиданно разражаясь смехом, она после слов Фру Линде: «Ты совсем еще ребенок», — слегка обижа-

лась. С большим тактом играла актриса и в заключительных сценах.

НА улице, среди сотен прохожих, Миронайте, возможно, и не заметишь. Держится она просто, естественно. Одевается скромно. Только взгляд особенный — проникновенный, умный. А на сцене она словно преображается, сверкая самыми различными красками, каждый раз другая, неузнаваемая, неповторимая.

Создавать интересные, сложные роли, играть персонажей различного возраста, разных эпох и сословий — требует огромного мастерства. Актёрская техника — не врожденное качество. Миронайте добилась мастерства благодаря огромному трудолюбию и воле.

Что и говорить — Моника Миронайте — личность! Сосредоточенная, волевая, трудолюбивая, искренняя, терпимая к чужим взглядам, без малейшего налета мещанства. Интересная собеседница, умеющая выслушать, заинтересоваться и заинтересовать.

Моника Петровна, как называют ее коллеги в Русском драматическом театре, часто жалуется: «Я уже устала вечно не успевать». Да и как успеешь! Театр требует человека целиком, а есть еще общественные обязанности, секция художественного слова, книги, концерты, выставки...

Завтра актриса Миронайте празднует свой юбилей. Как всегда она появится перед зрителями энергичной и снова неожиданной, всепокоряющей — актриса в роли актрисы: Эмили Мартини в «Рецепте Макропулуса» К. Чапека. Однако эта роль отличается от всех сыгранных. Парадоксально, что под внешностью очаровательной, молодой и элегантной Эмили Мартини скрывается безнадежное равнодушие. Мартини духовно опустошена. Неожиданная метаморфоза, когда актриса после не продолжительного ухода возвращается, отбросив весь свой пышный аксессуар, и предстает перед нами усталой, просто причесанной, то это не просто театральная трюк, а глубоко осмысленная деталь. Сидя на полу, хныча, насмешливо и с отвращением обращается она к своим партнерам по сцене: «О, какие вы счастливые, дурачки, всем интересуетесь... Любовь, верность!... Всякие глупости... любовь?... любовь...» (более снисходительно, несколько неуверенно повторяет Миронайте)... она есть... но она в вас... Кажется, в этой фразе мы нашли философский ключ к пьесе К. Чапека. Не значит ли это, что жить стоит лишь до тех пор, пока не утрачен вкус к жизни, пока не пропала любознательность? Не объясняет ли это одновременно решимость и смелость артистки М. Миронайте «разоблачить себя на сцене», ведь секрет ее молодости таится не только в ее благодарной внешности, а именно в ее богатой натуре.

И. МАЖЕЙКЕНЕ.